

РЕЖИССЕР И ЕГО СПЕКТАКЛИ

ДОЛГИЙ ДЕНЬ ЕДИГЕЯ

Однажды гостям из столицы предложили в Вильнюсе посмотреть спектакль молодого режиссера. Имя его практически никто не знал, было известно лишь, что он — выпускник ГИТИСа им. А. В. Луначарского, работал в Каунасском драматическом театре, теперь перешел в Вильнюсский молодежный.

...Сейчас, вероятно, уже никто из смотревших его не сможет вспомнить, когда, в какой точно момент он из выдавшего виды профессионала вдруг превратился просто в обыкновенного, увлеченного зрителя. А через год то же самое довелось испытать не менее искушенной публике Всесоюзного фестиваля молодежных спектаклей в Тбилиси, где была показана другая постановка Э. Некрошюса.

Что же в действительности присуще художническому миру Эймунтаса Некрошюса?

...Пространство сцены словно покрылось розным слоем ржавого от паровозной гари песка. Свет брезжит из почти сливавшегося с сумеречным степным ландшафтом бугорка — маленькой палатки. Да и старик, хозяин палатки, как бы слился с вечерней пустыней: серая одежда, серые всклокоченные волосы, серое лицо. Вдруг в глазах старика появляется блеск, лицо освещается радостным удивлением. «Укубала! — зовет старик жену. — Укубала, смотри, лиса!» Он машет лисе руками, провожает животное доброй улыбкой. Замигали разноцветные лампочки, сигнализируя о приближении поезда. Старик спешно ковыляет к путям, что пролегли возле палатки. Шум поезда нарастает, тело старика сотрясается, будто земля дрожит под пробегающим составом. Снова воодушевленно кричит старик и размахивает руками, и хриплый голос его сливается с лязгом вагонов... Так начинается спектакль «И дольше века длится день».

Для Некрошюса обращение к известному роману Чингиза Айтматова — не случайность и не дань моде. Жизнь стрелочника с безвестного полустанка Айтматова рассмотрел в сравнении с историей человечества, с космосом, Вселенной, раскрывая душевное богатство своего героя. К нравственным резервам отдельных, вроде бы незаметных людей обращены и постановки Некрошюса. Главным героем одной из ранних работ режиссера стал человек совсем уж, кажется, конченный. Да и вся ситуация спектакля «Квадрат», созданного по мотивам повести Веры Елисеевой «А было так», тяготеет к мелодраме. Он — закоренелый преступник, Она — одинокая учительница, а между ними — «заочная» любовь по переписке.

Мелодраматическая ситуация в чистом виде, однако, мало интересует режиссера. Она для Некрошюса — отправной момент. Повод присмотреться, как в этих обстоятельствах будут вести себя люди.

Кульминацией «Квадрата» стал эпизод первой встречи героев. Скоро Его освободят, Он сможет уехать к Ней. Разрешение свидания, и которому Она (Д. Оверайте) старательно готовится — раскладывает подарки, спешно поправляет прическу, одежду. Он (Н. Сморгинас) тоже лихо радочно приводит себя в порядок, пристраивает повернутой куртки белый воротничок. Увидевшись, оба понесли снованы. Атмосфера разряжается лишь через некоторое время, когда Он начинает доставать из различных тайников кусочки сахара и предлагать их ей один за другим. По са-

хару, копившемуся ежедневно, можно восстановить Недели, месяцы, годы. Его оказалось так много, что, пожалуй, за всю оставшуюся жизнь столько не съест. И, конечно, Она понимает, что сахар для Него дорожке привезенного Ею торта. Потом оба как дети начинают играть, устраивают целый сахарный дождь, а потом танцуют.

Этот танец — как прорыв из замкнутого жизненного круга. Если герои «Квадрата» полюбили друг друга, значит, родилась вера в возможность преодолеть обстоятельства. Узкая ситуация поднимается до уровня обобщения. Но не вопреки, а скорее благодаря тому, что почти весь спектакль строится на конкретных действиях, проработанных до тонкости переходах во взаимоотношениях персонажей.

И обязательно на сценической метафоре. Для ее создания Некрошюс нередко пользуется простейшими выразительными средствами. Кто не догадается в айтматовском спектакле, что солнечный свет и новый скворечник в руках Абуталипа — признаки весны, обновления жизни? И скворечник становится символом того оживления, что внес учитель в тусклый, однообразный мир обитателей полустанка.

Простые детали в работах Некрошюса многозначны. В спектакле «Пиросмани, Пиросмани...» В. Коростылева, например, используется черный холст в раме. Знатоки творчества грузинского художника, вероятно, вспомнят, что в большинстве картин Пиросмани черный фон оттеняет свежее, звучные краски. Но ведь спектакль рассчитан не только на знатоков, и пустой черный холст становится не одним лишь фактом биографии главного героя. По ходу действия Пиросмани (В. Багдонас) часто опирается на этот холст. Острый угол рамы врежется в подмышку, отчего двигаться неудобно и больно. Тогда большой холст воспринимается как тяжелая ноша, вызывающая и физические, и духовные муки.

Иногда упрекают Некрошюса в недооценке слова на сцене. Доказательством им служит то, что драматургический материал большинства его постановок невелик по объему. Даже инсценировка такого сложного, многопланового произведения, как роман Айтматова, созданная для Некрошюса драматургом Г. Кановичюсом, занимает всего около тридцати страниц машинописного текста. Спектакль, однако, идет добрых четыре часа, и нет ощущения, что философский смысл романа в сценической интерпретации что-либо потерял. Вряд ли поэтому стоит обвинять режиссера в невнимании к слову как таковому. Не против слов протестует он — против многословия.

«Драма» в буквальном переводе с древнегреческого означает «действие», и задача режиссера уже на подступах к пьесе определить действенные силы, влияющие на ход событий. В хорошей драматургии подчас такие силы выражаются не в прямом тексте, но

скрыты за ним, а наиболее захватывающими становятся остроконфликтные сцены.

Режиссер родился и вырос в самом суровом районе Литвы — в Жемайтии. Возделывая неблагоприятную почву, жемайтские крестьяне издавна привыкли к тяжелому труду, научились не растрачивать себя по мелочам. Поэтому и сегодня жемайтийцев отличает особая мужественность, грубоватая оригинальность суждений. Рассказывают, отец Некрошюса спросил сына, когда тот поступил на режиссерский факультет: «А руками пощупать то, что ты будешь потом делать, можно?» Сын ответил отрицательно, и отец категорически заявил, что в таком случае вся эта учеба — ерунда.

Если вдуматься, не такой уж нелепый вопрос задал отец, а сын подыскал не совсем точный ответ. Ведь чуть ли не самое привлекательное в работах Некрошюса — конкретность, непосредственность воздействия образного решения. Стало быть, есть в нем природная острота мировосприятия, устремляющая художественный поиск в коренные, животрепещущие проблемы бытия.

Но к театру, как ни к какому другому виду искусства, применима поговорка «Один в поле не воин». Путь к успеху здесь зависит не только от индивидуальной одаренности, но и от благоприятных внешних условий. И в этом Некрошюсу тоже повезло. Прежде всего на первого учителя — главного режиссера Молодежного театра Далию Тамулявичюте. Именно к ней, поступив на актерский курс Вильнюсской консерватории, попал Некрошюс, именно она в первый же год обучения обнаружила в своем студенте режиссерское дарование и добилась для него целевого назначения в ГИТИС. А через несколько лет взяла очередным режиссером к себе в театр, где к тому времени возникло крепкое ядро актеров-единомышленников, бывших консерваторцев, ровесников Некрошюса.

Нельзя не учесть также доверие и поддержку, оказанные режиссеру литовской театральной общественностью, норманам культуры. Знаком такого доверия стал тот факт, что недавно молодой режиссер получил Государственную премию Литовской ССР.

...Устав от долгого пути, Едигей присел отдохнуть. Открыл завешанный умершим другом маленький сундучок, который оказался доверху наполнен песком со дна высохшего Аральского моря. Едигей зачерпнул из сундука горсточку, оторвал кусок от своей рубахи, насыпал туда песок, сделал узелок и бросил поближе к зрителям. Еще горсточка, еще узелок, будто напуганные слякчим в зале: не давайте высохнуть морю, не давайте высохнуть жизни...

После спектакля мы разошлись не сразу. Долго сидели, делились впечатлениями. Чтобы выйти на улицу, надо было пройти через сцену. В полутьме белели узелки, разбросанные Едигеем. Не стовариваясь, каждый из нас взял по одному на память.

И. ЧУТКО.